

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ О СОВЕРШЕНИИ ИСПОВЕДИ

Фрагмент обращения Святейшего Патриарха Алексия
к московскому духовенству на Епархиальном собрании

Таинство исповеди, помогающее человеку освободиться от груза грехов, составляющих препятствие на пути к Богу, сегодня с особой силой должно быть осознано как средство спасения каждым человеком, сознательно приходящим в Церковь. Первая исповедь — это некий рубеж, за которым начинается новый жизненный период.

Тем важнее роль, которая отводится священнику — свидетелю первой исповеди, которую человек помнит всю свою жизнь. Здесь христианин обретает надежду на прощение, на возможность новой жизни — жизни с Богом и без греха. Испытывая угрызения совести, ощущая тяжесть содеянных грехов, кающийся с надеждой взирает на священника, принимающего его исповедь, и от того, что скажет священник, залечит ли он кровоточащие душевные

раны или, напротив, сделает их глубже, во многом зависит спасение души кающегося.

В наше время духовник и пасомый, как правило, знакомятся друг с другом именно на исповеди. Но и здесь «Христос невидимо стоит», и эта встреча происходит перед Господом, в Его непосредственном присутствии. Тем самым Господь вручает человека Своему служителю, чтобы тот привел пасомого к Нему.

Между тем исповедь часто превращается в механическое, формальное перечисление грехов: «раздражаюсь, осуждаю, мало молюсь» и так далее. Перечень этих грехов может быть бесконечным. Многочисленные брошюры с перечислением самых странных грехов, изданные чаще всего без всякого благословения, чрезвычайно способствуют

распространению подобной практики. Человеку внушается, что главное — это перечислить все грехи, ничего не забыв, а не переменить свою жизнь, раскаявшись и исправившись. И вот, христианин, раз встав на этот «спасительный» путь, всю свою жизнь со скрупулезной точностью перечисляет на каждой исповеди свои бытовые грехи, как будто бы он дорожит ими больше всего на свете.

Священник должен стараться выработать у своих прихожан православную систему ценностей, чтобы они могли разобраться в том, что в жизни имеет первостепенное значение, а что ведет к измельчанию человеческой личности и крайне искаженным формам духовной жизни. Если этого нет, исповедь часто становится нудной и утомительной формальностью и для священника, и для кающегося. Такая исповедь может рождать чувство отчаяния и бессилия оттого, что из раза в раз приходится повторять одни и те же грехи.

Мы считаем, что правильно поступают те священники, которые избегают формализма в этом вопросе, осознавая недопустимость требования изложения подробностей совершения греха, что не только не служит делу спасения кающегося, но чрезвычайно вредит духовнику.

Прекрасно учил о духовничестве приснопамятный митрополит Суражский Антоний, указывавший, что в духовничестве следует различать три степени. Первая — степень «приходского священника», роль которого — совершать таинства Церкви. «Он может не быть хорошим проповедником, — поясняет владыка Антоний, — он может не давать никаких советов на исповеди, он может ничем не проявлять себя в пастырском отношении. Достаточно того, что он совершает Божественную литургию, если только он помнит, что чудо Божественной литургии или других таинств совершается Господом».

Вторая степень — состояние более опытного священника, который может и призван давать наставления другому человеку. Но и такой священник, по мысли митрополита Антония, должен быть предельно осторожен. «Можно ли сказать, что каждый священник имеет в себе способность каждому человеку сказать то, что ему нужно? Нет. Бывает так, что исповедующий священник или просто священник, к которому пришел человек на духовную беседу, слышит его, понимает то, что говорится, но ответа у него нет». В таком случае владыка советует священнику быть честным с пасомым, признаться, что он не знает, как разрешить сложившуюся ситуацию, и помолиться, чтобы Господь Сам умудрил вопрошающего.

Наконец, третья ступень — это старчество. «Старцем самого себя не сделаешь, — говорит митрополит Антоний, — и если можно так выразиться, старцами не рождаются. Это люди, которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными тому, чему учит нас

Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах».

Нельзя не согласиться с размышлениями владыки Антония, но жизненные реалии таковы, что исповедовать и окормлять прихожан приходится не только старцам или духовно опытным священникам, но и молодым пастырям, недавно принявшим этот великий сан.

«Двоякое полномочие — вязать и решить пасомых, — пишет епископ Вениамин (Милов), — ставит пастыря лицом к лицу с коллизиями любви и правды, снисходительности и строгости». Этот выбор между строгостью и снисходительностью стоял перед духовником с самого начала истории христианской Церкви. Пастырь Церкви Христовой, не должен мириться с грехом, но должен обличать и исправлять его. В то же время это обличение и исправление должны совершаться с любовью, *в духе кротости* (Гал. 6:1).

Существуют церковные каноны, в которых достаточно ясно определяется епитимья за тот, или иной грех, но те же каноны определяют и возможность умаления покаянного подвига, в зависимости от усердия кающегося и обстоятельств совершения греха.

Архимандрит Константин (Зайцев) указывает на следующее положение, помогающее исповедующему священнику определить нравственное состояние души исповедующегося, — как кающийся сам смотрит на несоответствие его жизни уставам Церкви. Совершал ли он грех намеренно и осознанно ли противится Богу или же согрешает по душевной слабости. В то же время отец Константин свидетельствует о почти полном прекращении епитимийной практики в наше время, указывая на необходимость ее возобновления, даже не в форме отлучения от Причастия, не в поклонах и больших молитвенных правилах, а в добродетелях, противоположных предшествовавшим грехам.

Но даже если человек сознательно совершает грех, то и здесь пастырь не должен поступать формально. «Для пастыря, обязанного искать заблудших овец, решительно нельзя только юридически подходить к немощным. Его долг, — указывает владыка Вениамин (Милов), — искренно сострадать и снисходить им и веровать в возможность их возрождения. Сострадающая и ободряющая любовь пастыря в состоянии освободить в них все доброе от гнета порочности и душевно воскресить их для новой, святой жизни». Цель и назначение духовничества — рождать, растить и воспитывать истинных чад Церкви и чад Божиих. И как при воспитании ребенка нужно применять и строгость, и ласку, так и при ведении пасомых к Богу духовник должен и может прибегать и к акривии, и к икономии, разумно сообразовываясь с нравственным состоянием пасомого, с обстоятельствами и временем, со свойствами его души.